

Перемотка к началу карты.

Чемпионы выбраны, пошла загрузка. Сун Цинсюй внезапно сказал:

— В этой карте Тан Хуай сначала идёт на мид.

В тренировочной не было сценических правил. Тан Хуай повернулся к нему:

— Хочешь начать со свопа?

Взгляд Сун Цинсюя был твёрдым:

— Только защищаться и не атаковать — это не мой стиль. Тактику придумали FTG, но как играть — решаю я.

Без того разговора с матерью он бы не принял это решение так бескомпромиссно.

Потребность доказать себя стала острой как никогда.

Ему нужна была не только эта победа в скримере. Ему нужен был весенний сплит. Летний. И чемпионат мира. Он хотел выгравировать своё имя на кубке и стать мидером, которого запомнят все.

Тан Хуай без колебаний:

— Хорошо.

Загрузка завершилась. Старт.

Сун Цинсюй вместе с Вэнь Лихуа пошли на бот. Тан Хуай — прямиком на мид.

Не прошло и тридцати секунд, как Акали выскочила из куста и поймала раскачивающегося Виктора. Ценой одного «Воспламенения» — соло-килл, первая кровь.

В то же мгновение с мида прилетела новость от Тан Хуая.

Увидев, что обе линии дали результат, Сун Цинсюй решительно скомандовал:

— Бэк. Меняемся обратно.

Ли Сичэнь и Пак Донбин — игроки высочайшего уровня. Сейчас их застали врасплох, но в следующий раз такой номер может не пройти.

Смысл обратного свопа был именно в этом: когда противник подготовится к тому, с кем только что столкнулся, — дать ему совершенно другого оппонента. Обнулить их подготовку.

На протяжении всей карты Сун Цинсуй дирижировал многократными свопами.

Их состав был гибче, свопы — удобнее. FTG впервые оказались в роли обороняющихся — и впервые в этом сезоне проиграли скрим.

В тот же вечер информация о том, что WS обыграли FTG на скримере, просочилась на форум.

Верили не все. Но дискуссии неизменно приходили к одному и тому же выводу: хотим посмотреть матч WS.

Только регулярный сезон до каникул уже закончился, а первая игра после Нового года — аж на пятый день.

Пока интернет изнывал от ожидания, появилось расписание каникул WS:

Выходные — с двадцать седьмого числа двенадцатого лунного месяца по третье число первого. Четвёртого — возвращение на базу.

Известие застало всех за ужином.

Чжан Чжиян, жуя, невнятно спросил:

— Кому нужны билеты? Я закажу оптом.

— Мне домой, в Фуцзянь, — Му Ичэнь осёкся и палочками перехватил палочки Вэнь Лихуа: — Ты опять тыришь крылышки из моей тарелки?

Вэнь Лихуа хихикнул:

— У тебя кости уже вынуты, есть удобнее!

— Мне в Сиань, — сказал Цинь Чжэн Чжан Чжияну, потом повернулся к Вэнь Лихуа и поманил пальцем: — Переведи полтинник — я тебе все кости выну, братишка.

Вэнь Лихуа прижал телефон к груди:

— Барыга!

Чжан Чжиян листал авиабилеты, ждал. Никто больше не откликался.

— Сяо Вэнь? Тебе не надо? А Shark, ты что, не домой?

Вэнь Лихуа грыз крылышко:

— Мне не надо, двоюродный брат на машине заберёт, поедem вместе.

Тётушкины крылышки сегодня и правда были выше всяких похвал. Но Сун Цинсюй не хотел пачкать руки и считал, что грызть крылышко, держа его во рту, — не слишком эстетично. Съел одно и больше не притронулся.

Он пил суп, а взгляд скользнул через стол к Тан Хуаю.

Насколько он помнил, семья Тан Хуая была довольно традиционной. В новогоднюю ночь полагалось жечь ритуальные деньги предкам. Если он не поедет — не влетит ли ему?

Тан Хуай положил в тарелку Сун Цинсюя идеально очищенное от костей крылышко. Взгляд — спокойный:

— Останусь в Шанхае.

Чжан Чжиян хмыкнул:

— В этом году даже проще, чем в прошлом. Кстати, если первого числа вы оба свободны — заскочите на базу, повесьте парные свитки на дверь.

Слова Чжан Чжияна отрастили ноги и одно за другим выпрыгнули из ушей Сун Цинсюя.

Он посмотрел на крылышко в своей тарелке. На душе стало странно хорошо.

Но есть он его не стал — медленно, обстоятельно допил целую миску супа. И только потом, словно только что обнаружив крылышко в тарелке, съел.

Тётушка потрясающе готовит. Крылышко — объедение.

После ужина все поднялись наверх.

Поясница у Сун Цинсюя всё ещё ныла. Чтобы это не бросалось в глаза, он остановился, достал телефон и сделал вид, что залип в экран. На самом деле — переждал.

Когда Тан Хуай подошёл, Сун Цинсуй пристроился рядом, и они медленно двинулись вверх по лестнице.

— Почему ты не едешь в город S? — тихо спросил он.

Тан Хуай не ответил, а спросил сам:

— У тебя что-то болит?

Сун Цинсуй категорически не желал сейчас обсуждать эту тему. И тем более — выслушивать подобную заботу.

— Я спросил первый. Ты первый отвечай.

Тан Хуай не выдержал — детская интонация в его голосе заставила улыбнуться. Глаза изогнулись полумесяцами.

— После восьми лет я был в городе S на Новый год всего один раз.

— М? Ты не оттуда? — персиковые глаза Сун Цинсюя чуть расширились. Он вспомнил слова Тан Хуая за ужином: — Значит, ты тоже перевёлся из-за процента поступления?

Тан Хуай покачал головой:

— Нет. Я вообще не должен был туда попасть.

Информации в одной фразе было слишком много. Воспоминания о Тан Чжэньпине тут же навалились, и Сун Цинсуй мысленно достроил целую семейную сагу. Взгляд на Тан Хуая непроизвольно смягчился.

Получается, у них с Тан Хуаем похожие истории. Ни отцу, ни матери не нужен. Неудивительно, что он тогда стал таким.

— Я уже ответил на два вопроса. Твоя очередь, А-Суй.

— ...Задай другой.

Тан Хуай без споров сменил тему:

— На Новый год останешься в Шанхае или куда-то поедешь?

— Тридцать первого — обязательно к бабушке. Первого Ли Сичэнь позвал куда-то.

Тан Хуай бесцветно хмыкнул и коротко сказал:

— Ладно.

И замолчал.

Атмосфера мгновенно заледенела.

Как раз на третьем этаже. Убедившись, что все скрылись за дверями, Сун Цинсюй — молча, без единого слова — протиснулся вслед за Тан Хуаем в его комнату.

Впервые он был здесь в трезвом состоянии. Первое, что бросилось в глаза, — его собственный носок на стуле.

Памяти о прошлой ночи не было, но щёки всё равно полыхнули. Он заговорил, только услышав щелчок замка за спиной:

— Ты опять расстроился?

Тан Хуай снял часы и бросил на стол. Звякнуло.

Сун Цинсюй покосился: чёрный Jaeger-LeCoultre, тысяч за сто с лишним.

— Нет. Просто часы жмут.

Сун Цинсюй смотрел ему в глаза:

— Тогда почему ты нормально разговаривал — и вдруг, — он скопировал интонацию Тан Хуая, — «угу, ладно», — и замолчал? Я тебе не часы.

Тан Хуай рассмеялся. И невольно вспомнил прошлую ночь.

— Менеджер сказал, что первого числа мы вместе вешаем свитки. Ты слышал?

— Слышал.

На самом деле он уже забыл — крылышко отвлекло. Но признаваться в этом не хотелось.

— Тебе нужно повесить свитки, а потом ехать к Ли Сичэню. Дом бабушки и база — это две разные точки. Расписание тесное, успеешь?

Сун Цинсюй не уловил сарказма:

— По-моему, нормально. Свитки — это же пять минут. Вдвоём вообще мгновенно. Остальное время — гулять.

Тан Хуай: — ...

— А дорога? В праздники такси не вызывать. Давай я вас отвезу?

— Ты только об этом думал? — Услышав, что он не злится и не капризничает, Сун Цинсюй расслабился. Сел рядом: — Не надо, это лишние хлопоты. Ли Сичэнь водит. А в межсезонье я сам на права сдам.

— Ты можешь попросить меня.

— К тому же я давно ни с кем не гулял. Считай, что просто возьмёшь меня с собой. Можно?

Голос Тан Хуая был низким, и если прислушаться — в нём звучала робкая мольба. Сун Цинсюй не представлял, как можно отказать такому Тан Хуаю.

Ли Сичэнь любит шумные компании. Одним человеком больше — ничего страшного.

— Ну ладно.

— Я заеду за тобой к бабушке первого числа. Скинь адрес.

Оставшиеся дни промелькнули. Утром двадцать седьмого коридор третьего этажа наполнился шорохом чемоданов и приглушёнными голосами.

Сун Цинсюй спал чутко — и, разумеется, проснулся. Нашарил телефон: начало восьмого.

Перевернулся — доспать.

Глаза закрылись... и через минуту распахнулись снова.

Он вдруг понял: если бы не этот шум, он проспал бы до естественного пробуждения.

Впервые за несколько месяцев.

С тех пор как они с Тан Хуаем переспали, ни один из тех неназываемых снов ему больше не снился. «Люблю Сюй-Сюя» не только перестал публиковать те тексты — все прежние посты со скрытыми ссылками исчезли.

Если сейчас сравнить аккаунт «Люблю Сюй-Сюя» с обычными фан-аккаунтами из его комментариев — никакой разницы.

Под последним постом «Люблю Сюй-Сюя» те самые люди, которые раньше костерили его за дримерство, теперь мирно с ним общались.

Неужели всё это было его воображением? Посты — ему показалось?

Ещё страннее: приложение для VPN пропало из телефона!

Как?!

Сун Цинсюй мгновенно проснулся, сел и перерыл телефон. Ни приложения, ни записи о покупке VIP-подписки — ничего.

Он потёр лицо и, балансируя между паникой и попыткой сохранить здравый рассудок, восстановил хронологию.

Первый сон — в берлинском отеле, ночью после четвертьфинала. Тогда он не придал значения.

После возвращения в Китай сны стали всё кошмарнее. Началась бессонница: он боялся засыпать. Стало чуть легче только с появлением Тан Хуая на просмотре.

Именно после того, как Тан Хуай вошёл в состав, Сун Цинсюй впервые отреагировал на сон физически. И тогда же «Люблю Сюй-Сюя» ушёл в первый перерыв.

Теперь, после ночи с Тан Хуаем, — ни снов, ни подозрительных постов.

Если бы это был сюжет китайского хоррора, он был бы тем самым героем, который весь фильм подозревает призраков, а в финале выясняет, что просто болен.

Стоп. У него что, правда проблемы с психикой?

Сун Цинсуй резко втянул воздух, скатился с кровати, оделся и вылетел с базы.

Кабинет психолога.

Сун Цинсуй в полной маскировке, крадучись, записался на приём и всё время ожидания просидел с опущенной головой — лишь бы никто не узнал и не сфотографировал. Только тренды ему не хватало.

Рассказывать кому бы то ни было он не собирался. Лучше всего — решить тихо, без последствий.

Не то чтобы он не доверял людям на базе. Просто это было слишком стыдно. Хуже публичной казни. А стыда он боялся больше всего.

Если рассказать всё как есть — всю цепочку событий, — история будет выглядеть так, будто он сам — дример Тан Хуая, который нафантазировал себе оправдание, чтобы забраться к нему в постель.

— Номер 0073, Сун Цинсуй, пройдите в кабинет психологической консультации номер один.

Электронный голос разнёсся по коридору. Сун Цинсуй физически ощутил, как несколько пар глаз впились в него. Половину тела парализовало.

Он нервно поправил тёмные очки и притворился, что говорит по телефону, — затараторил на чудовищном кантонском, ни слова из которого не понимал сам.

Только переступив порог кабинета, он позволил себе выдохнуть. И тут же стал лихорадочно вспоминать, не допустил ли он ляп. Ответ: сплошные ляпы.

Господи. Кто-нибудь его узнал? Может, ещё не поздно уйти? Бабушка, я хочу домой.

— Что стоишь у двери? Проходи, садись, — приветливо сказала психолог.

Сун Цинсуй — с выражением «хочу плакать, но не могу» — дошёл до кресла, три минуты собирался с духом и наконец выдал:

— Э-э...

— Не нервничай, расслабься. Расскажи, что тебя беспокоит. Если нужно — представь, что я дерево. С деревом говорить абсолютно безопасно, правда?

— Примерно с ноября прошлого года мне стали сниться... определённые сны.

— Что за сны? Кошмары?

Сун Цинсюй замялся:

— Ну... сны, где я с другим человеком. Только мы вдвоём. Мне снилось, что...

В то же время. База WS.

Тан Хуай вернулся с пробежки. Зная, что сегодня на базе никого, кроме них двоих, — даже тётушка уехала, — он первым делом пошёл на кухню и сварил Сун Цинсюю его обычную лапшу: прозрачный бульон, без мяса. Плюс глазунья.

Снял фартук, поднялся наверх.

Тук-тук-тук.

Тишина. Ветер за окном. Птицы.

Странно. По обычному расписанию сна Сун Цинсюй давно должен был проснуться. Тем более вчера он лёг рано.

Тан Хуай затаил дыхание и прислушался. Ни шума воды, ни каких-либо звуков. Значит, не в душе.

Неужели всё ещё спит? С чего бы так долго?

Тук-тук-тук.

Три удара — громче. При чуткости Сун Цинсюя даже крепкий сон не выдержал бы. Но — ничего.

Тан Хуай посмотрел на кодовый замок. Подумал. И набрал цифры, которые давно выяснил.

Вошёл. Шторы раздвинуты. За маленькой прихожей — смятая пустая кровать.

Сун Цинсюя нет.

Тан Хуай вышел, закрыл дверь, спустился в столовую. Сфотографировал лапшу и отправил:

[Сделал лапшу. Постучал — тебя нет.]

[Куда ушёл?]

Минуты текли. Ответа не было.

Тан Хуай усмехнулся. Вылил целую миску лапши в мусорное ведро. Накинул куртку и вышел.

Рёв двигателя «Гелендвагена» — и вчера ещё гудевшая голосами база WS погрузилась в абсолютную тишину.

<http://bllate.org/book/18105/1736401>